

Моррис - Два нагана

Три языка, две клички, один еврей

Он начинал лондонским карманником, дослужился до генерала и закончил жизнь почтенным патриархом в кругу многочисленных родственников. На надгробной плите на еврейском кладбище в Манчестере выбиты две даты (1887-1970), а его имя повторено на английском, иврите и китайском. На его похороны приехали высокие персоны из обоих Китаев (материкового и Тайваня), находившихся тогда в состоянии войны. Но оба противника были согласны в том, что усопший сыграл огромную роль в новейшей истории китайского народа. В надгробной речи прозвучало: «Наше глубокое уважение человеку, который был китайцем если не по крови, то в глубине души».

*Одна из биографий
Морриса Коэна*

Его считают выдающимся, говоря современным языком, командиром спецназа, а также дипломатом, разведчиком и уголовником, а в целом — национальным героем Китая и Израиля. У него были две клички: в Китае — Ма Кун («Сжатый кулак»), за его пределами — Two-Gun («Два нагана»).

Израилю — быть!

В ноябре 1947 г. еще молодая ООН начала дебаты по резолюции №181. Рассматривался исторический для евреев вопрос о создании их национального государства. Понятно, что еврейские надежды могли осуществиться лишь при поддержке большинства государств — членов ООН, однако было известно, что Китай намерен проголосовать против, и такое

развитие событий следовало предотвратить.

Сионистские лидеры отчаянно пытались встретиться с китайскими делегатами в Сан-Франциско, где проходило историческое голосование, но им было отказано в аудиенции. И тогда раввин Израэль Голдстайн сказал: «Я знаю, кто может решить проблему. Человек из Монреаля! Дайте мне телефон!» Наутро человек из Монреаля прибыл в Сан-Франциско.

Узнав, что китайскую делегацию в ООН возглавляет дипломат и бывший генерал Ву, гость из Монреаля улыбнулся и сказал на идише: «Считайте, что проблема решена. Это ведь именно я в свое время сделал Ву генералом». Содержание их встречи осталось тайной, но ее результат известен: Китай воздержался при голосовании. Так Моррис фактически помог созданию государства Израиль, а китайский генерал стал сионистской иконой. Афишировать степень участия гостя из Монреаля в истории создания государства Израиль было не с руки, да и сегодня израильские власти не слишком охотно вспоминают эту деталь.

Человеком, убедившим китайцев не выступать против резолюции, был Моррис Абрахам Коэн — еврей, родившийся в Польше в 1887 году.

Уголовник и герой в одном флаконе

Судьба переносила его из страны в страну, заставляя менять род занятий. Еще малышом, оказавшись в лондонском Ист-Энде, он осознал, что основное в жизни — сила и деньги. Ловкость рук Моррис — бывший Моше — оттачивал как на боксерском ринге, так и в карманах состоятельных горожан. В 12 лет он был впервые задержан полицией, к 16-ти считался признанным «щипачом». Выйдя через пару лет из тюрьмы, отправился в Канаду, чтобы, как заверял родителей, постичь труд на ферме в провинции Саскачеван вблизи индейских резерваций. Неизвестно, научился ли парень стреноживать быков, но то, что стал великолепным стрелком и картежным шулером, несомненно. Отличившись в спекуляциях с недвижимостью, схлопотал новый срок. Отбыв его, обратил внимание на местных китайцев. Говорят, Коэну, любившему ярмарки, карнавалы, да и вообще все необычное, особенно приглянулась китайская кухня. Факт есть факт: однажды, заглянув в китайскую забегаловку, он напоролся на грабителя и нокаутировал злоумышленника. Китайцы поразились: получить на чужбине поддержку от

белого человека было практически невозможно. Они приветствовали Коэна как еврейского Гришу Добросклонова и пригласили его в отделение «Тунмэнхой» — антиманьчжурской организации под водительством Сунь Ятсена.

Сунь Ятсен тогда, после провала революции, совершал турне по миру, собирая пожертвования для нового мятежа. В поле его зрения в Канаде оказались китайские гастарбайтеры на Канадской тихоокеанской железной дороге. Хорошо разбиравшегося в финансах Морриса (еще бы, столько опустошенных карманов на берегу Темзы!) поставили заведовать фондами организации Сунь Ятсена. Это было неслыханное доверие, и он его оправдал. После этого китайцы прониклись таким уважением к еврею Коэну, что предложили ему быть телохранителем своего лидера.

Искусные руки и секретный язык

Коэн стал командиром корпуса телохранителей — 250 первоклассных бойцов, которых он сам выпестовал. Основы бокса и стрельбы преподавал, используя кантонский диалект: он был легче классического китайского. Иногда на помощь Моррису приходили знатоки английского, в том числе жена Сунь Ятсена Сунь Цинлин и ее окружение — все они имели западное образование.

Коэн всегда был при оружии. Он пережил несколько попыток покушения — и на себя, и на высоких персон, которых оберегал. После смерти Сунь Ятсена подопечными Морриса стали другие деятели Гоминьдана — родственники вождя, банкиры и военачальники. Однажды, преследуя группу убийц, Коэн был ранен в руку. Это побудило его носить второй пистолет. Так он заслужил кличку Two-Gun. Стрелял без промаха.

Но было еще одно оружие, которое Коэн применял в исключительных случаях. Им в Поднебесной не владел больше никто. Когда Коэн был назначен главой китайской секретной службы, его корешем стал единоведец с уникальной биографией — Моисей Шварценберг. Ему приписывали членство в группе, которая в 1918 г. должна была убить Ленина.

Коэн и Шварценберг продумывали и осуществляли в Китае спецоперации, с документов о которых до сих пор не снят гриф секретности. Поскольку подобные акции могли иметь геополитическое значение, надо было добиться абсолютной гарантии тайны. Коэн и Шварценберг были единственными в

китайском руководстве, кто, кроме китайского и английского, владел идишем...

Боевые и трудовые будни

Моррис всегда был в шаге от смерти. В годы Первой мировой он воевал в составе Канадских железнодорожных войск в Европе и получил боевые награды. Когда в 1937-м японцы вторглись в Китай, Коэн тут же присоединился к освободительной борьбе. Он доставал для китайцев оружие. Во время нападения японцев на Гонконг в декабре 1941-го Коэн спас Сунь Цинлин и ее сестру Айлин, доставив их на один из последних самолетов, вылетающих из британской колонии. Сам же остался в городе, чтобы участвовать в военных действиях. Когда Гонконг был оккупирован, японцы бросили Морриса в тюрьму лагеря Стэнли. Там он прошел ад пыток, пока в конце 1942 года его не обменяли на японских военнопленных.

И по окончании Второй мировой, живя в Монреале, Коэн не забывал про Китай, ездил в Поднебесную, вспоминая горячие деньки. Даже после победы коммунистов в 1949-м он был одним из немногих, кто, будучи в генеральском звании, полученном от Сунь Ятсена, поддерживал нормальные отношения с руководством маоистского Китая. Именно этот универсальный статус Коэна способствовал тому, что его уже в преклонном возрасте взяли консультантом в компании «Виккерс» и «Роллс-Ройс».

Очень многие с сомнением воспринимают рассказы об участии Коэна в создании двух государств — КНР и Израиля. Однако тому есть неоспоримые доказательства. Он и в самом деле был командующим армией, возглавлял борьбу и против японцев, и против китайских коммунистов. Он стал единственным европейцем, который когда-либо дослужился до звания китайского генерала. После Второй мировой войны, живя в Канаде, он помог состояться Израилю как государству.

Кем он был по своей внутренней сути? Видимо, человеком, который остро чувствовал личную ответственность за то, что происходит с евреями и китайцами, и сделавшим все, чтобы эти народы всегда вспоминали о нем с благодарностью.

Александр Меламед

